
Смыслообразование в логических парадоксах: принцип коммуникативной определенности. Часть III*

© 2020 г. А.В. Вдовиченко

*Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1;
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, 115184, ул. Новокузнецкая, д. 23 Б.*

E-mail: an1vdo@mail.ru

Поступила 30.09.2019

В статье рассматриваются логические парадоксы с точки зрения коммуникативной модели смыслообразования. Семиотические поступки авторов парадоксов анализируются на основе так называемого коммуникативного ключа, или принципа семиотической (коммуникативной) определенности, в соответствии с которым: любой парадокс является личным (авторским) коммуникативным поступком; в любом коммуникативном действии понимается авторское когнитивное состояние в момент воздействия, в отсутствии которого знак не обладает тождеством; парадокс есть попытка коммуниканта «подвесить» когнитивный процесс, дать неисполнимую инструкцию, как мыслить, на основе «правдоподобных предположений цепью бесспорных на вид рассуждений»; «подлежащее» в коммуникации, в том числе область «дано» в парадоксах, назначается и мыслится говорящим (пишущим) обладателем сознания; знак не может производить воздействие автономно, вне авторского мыслимого коммуникативного (воз)действия; обозначающим в коммуникации выступает сам актер, а не знак; анализируемая знаковая последовательность не может означать больше или меньше того, что помыслил коммуникант, совершивший семиотическое действие с вовлечением данных знаков. В статье также формулируется так называемый закон назначения актуальных коммуникативных множеств. Коммуникативная интерпретация парадоксов (антиномий, апорий) обнаруживает, что их авторы для достижения целей семиотического воздействия выходят за пределы логики, демонстрируя процесс поглощения логики коммуникацией. Во всех коммуникативных поступках единственной опорой тождественного смыслообразования выступает активное сознание семиотического актора, направленное на изменения когнитивного состояния мыслимого адресата. Парадоксы снимаются при условии реализации принципа коммуникативной определенности.

Ключевые слова: логический парадокс, антиномия, апория, сознание, коммуникация, смыслообразование, коммуникативная модель, семиотическое воздействие, принцип семиотической определенности, закон назначения коммуникативных множеств, закон исключенного третьего, множество.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–4–138–153

Цитирование: *Вдовиченко А.В.* Смыслообразование в логических парадоксах: принцип коммуникативной определенности. Часть III // Вопросы философии. 2020. № 4. С. 138–153.

* Статья подготовлена при поддержке РНФ, грант № 17–18–01642 «Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса языковой модели» в Институте языкознания РАН.

Sense Generating Process in Logic Paradoxes: the Principle of Communicative Certainty. Part III*

© 2020 Andrey V. Vdovichenko

*Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 1 b.1, Bolshoi Kislovskii per.,
Moscow, 125009, Russian Federation; Saint Tikhon's Orthodox University of the Humanities,
23b, Novokuznetskaya str., Moscow, 115184, Russian Federation.*

E-mail: an1vdo@mail.ru

Received 30.09.2019

The article considers logical paradoxes (the sign paradox, Putnam's model-theoretic argument, liar's paradox, Zeno's paradoxes, Russell's paradox) from the point of view of the communicative model of sense production. The semiotic actions of the authors of paradoxes are analyzed on the basis of the so-called communicative key, or the principle of semiotic (communicative) certainty, according to which: any paradox is a personal communicative act (a series of communicative impacts, or attempts to semiotic influence); in any communicative action what is understood is the author's cognitive state (process) at the moment of acting, in the absence of which the sign (verbal, gestural, behavioral, etc.) does not have the self-identity; the paradox is the communicant's attempt to "suspend" the addressee's cognitive process, to give impossible instructions on how to think, on the basis of "plausible assumptions by a chain of undeniable-looking reasonings"; "subjects" in communication, including the data, is appointed and thought of by the owner of consciousness; a sign cannot produce an effect autonomously, outside the author's conceivable communicative action; the actor in the communication is the signifier, not the sign; the analyzed sign sequence cannot mean more or less than what the communicant who committed the action, thought of them. The article also formulates the so-called law of the assignment of relevant (actual) communicative sets. A communicative interpretation of paradoxes (antinomies, aporias) reveals that their authors go beyond logic to achieve the goals of semiotic influence (for example, they violate the law of the excluded middle), demonstrating the process of absorbing logic by communication. At the same time, it is impossible for the authors of paradoxes to violate communicative constants: they cannot abandon the actual assignment of objects (sets), recognize the performative nature of semiotic acts, remove the communicant from the communicative procedure, recognize the autonomous meaning of "signs" and "languages". In all communicative acts, the only basis of the identical sense-formation is the active consciousness of the semiotic actor, aimed at changing the cognitive state of the conceivable addressee. Paradoxes are eliminated if the principle of communicative certainty is applied.

Keywords: logical paradox, antinomy, aporia, consciousness, communication, sense formation, communicative model, semiotic influence, principle of semiotic certainty, law of constructing communicative sets, law of excluded middle, set.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-4-138-153

Citation: Vdovichenko, Andrey V. (2020) "Sense Generating Process in Logic Paradoxes: the Principle of Communicative Certainty. Part III", *Voprosy Filosofii*, Vol. 4 (2020), pp. 138-153.

* The research was funded by the Russian Science Foundation (grant No. 17-18-01642 "Developing the communicative model of verbal process in the conditions of crisis of the language model"). The project is carried out at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

VI. Итак, выходя в коммуникативное пространство и заботясь о «динамике» – об изменениях внешних когнитивных состояний, коммуникант (включая автора парадокса) неизбежно «расставляет точки», не существующие без него в данном коммуникативном действии. Он делает это, фокусируя внимание, определяя адресатов, формируя объекты, признавая актуальными связи и пр. Все, что остается интерпретатору – это свободное (не)согласие с назначенными «точками».

В антиномии Бертрана Рассела (1903), как и в любом коммуникативном акте, автор, производя воздействие и добиваясь своих целей, ожидает от адресата, что тот будет прилежно следовать пунктам предлагаемой инструкции. Однако искомое согласие как раз и означает для адресата признание досадного онтологического тупика, из которого естественный когнитивный процесс не может найти выход. Нужна ли такая добровольная капитуляция перед сущностями, созданными (выделенными, расставленными, сформированными) самим же сознанием?

Антиномия создается следующим рассуждением, состоящим из констатации области «дано» и дальнейших причинно-следственных умозаключений [Френкель, Бар-Хиллел 1966, 16–17]:

(е) Для произвольного данного множества представляется вполне осмысленным выяснить, является оно своим собственным элементом или нет. По отношению к некоторым множествам трудно усомниться в том, что они не являются собственными элементами: множество планет, например, не является, конечно, планетой и потому не есть собственный элемент. Другие множества столь же естественно без колебаний считать собственными элементами: очевидный пример – каталог каталогов или множество всех множеств. Поэтому кажется вполне осмысленным поставить тот же вопрос относительно множества всех множеств, не являющихся собственными элементами. Ответ на этот вопрос, однако, обескураживает: обозначив последнее множество через S , мы сразу видим, что если S есть элемент S , то оно принадлежит множеству всех множеств, не являющихся собственными элементами, то есть оно не есть собственный элемент; с другой стороны, если S не есть элемент S , оно не принадлежит множеству всех множеств, не являющихся собственными элементами, а потому является собственным элементом. В результате возникает явное противоречие: S есть элемент S в том и только в том случае, когда S не есть элемент S .

Коммуникативный подход к парадоксам заставляет искать деятельность автора парадокса, поскольку только в семиотической процедуре летящая стрела может неожиданно оказаться неподвижной и поскольку семиотическая процедура не может быть безличной, не связанной с индивидуальной когницией. Ввиду того, что знаки не могут обладать тождественным значением без участия личного когнитивного состояния (процесса), внимание к коммуникативным (акциональным) шагам автора-обладателя сознания приобретает ключевое значение для интерпретации смыслообразования – в том числе для принятия свободного решения, следовать ли выдвигаемой автором «инструкции».

Иными словами, понимание коммуникативного воздействия представляет собой в любом случае *психологический процесс* согласия («одобрения», по Витгенштейну) не с состоянием мира («природой вещей»), а с конкретным автором, расставившим акценты, сформировавшим последовательность аргументов, создавшим объекты, признавшим актуальными некоторые связи, назначившим некую причинно-следственную зависимость и пр. Существует ли все это в мире или нет, не важно в том смысле, что в коммуникативной процедуре акценты – связи – объекты – аргументы – зависимости суть безусловно личные когнитивные конструкции и в целом личная преобразовательная (воздействующая на адресата) деятельность, а уже только потом – верифицируемая на основании возможностей интерпретатора «реальность». В коммуникативной процедуре добросовестный интерпретатор должен возвести «знаки» к автору и затем тестировать деятельность последнего (на фоне понятий о реальности самого интерпретатора), что, правда, зачастую ошибочно рассматривается как «сверка сказанного

с реальностью» (здесь стоит вспомнить пример любого высказывания – например, «Сейчас ночь», «А что это там?», «Все на выход!», «Земля (не) имеет форму шара», «Атом – неделимая частица» и пр., которые нельзя понять – в том числе верифицировать, где верификация вообще возможна, – вне авторской коммуникативной процедуры). Ясно, что понимается действующий автор, а не знаковый комплекс или безличная мысль.

Расставляя свои «точки», Рассел как бы не замечает субъектности происходящего (здесь авторитет классической логики и математики незаметно подставил ему свое безальтернативное плечо) и, похоже, рассчитывает на то, что парадокс воспринимается как констатация «положения дел в (логико-математическом) мире», а не как результат его собственных коммуникативных манипуляций, добросовестных или нарочитых: он по умолчанию признает, что сами множества (не)содержат элементы, имеют границы с другими множествами, принадлежат самим себе, являются чем-то и пр. Как математик и логик классического тренда, он склонен считать, что понимается и оценивается чистая внекоммуникативная мысль, или объект(ы) и связи независимого логико-математического пространства.

Однако уже сам Георг Кантор («наивную» теорию множеств которого Рассел подвергает критике в своей антиномии) считал, что «множество (set) или совокупность (aggregate) – это собрание (collection) определенных и различных объектов нашей интуиции или интеллекта, мыслимое в качестве целого (единого)» [Fraenkel 1953, 6].

Оппозицию «мыслимое существующее vs существующее» можно было бы снять и не замечать, как это часто и происходит, но в случае антиномии она имеет ключевое значение: любые «множества», вовлекаемые в коммуникацию (от единого предмета до «естественных» классов и видов), а также отношения между «множествами» (тождество одного другому, принадлежность одного другому и пр.), представляют собой конструкты сознания, вовлекаемые в производимое семиотическое воздействие. Один и тот же объект может рассматриваться как множество и как единство. Без отсылок к личному сознанию, проявленному в действии, невозможно интерпретировать семантику «знаков», вовлеченных в коммуникативное действие (в том числе в антиномию).

Мыслимость объектов, спроецированная на семиотические действия коммуниканта, составляет едва ли не главную характеристику «коммуникативного ключа» (см. раздел II настоящей статьи), пункт 9 которого («Ввиду того, что источником семиотического действия является актер (не знак, не «положение» или «природа» вещей), знаковая последовательность не может означать больше или меньше того, что помыслил коммуникант в своем коммуникативном действии, в состав которого интегрирована знаковая последовательность»), пожалуй, нужно расширить и дополнить. Условно назовем это *законом актуального назначения коммуникативных множеств*:

Коммуникация (семиозис) обнаруживает целенаправленный процесс создания коммуникантом актуальных множеств (объектов), их свойств и отношений, сочтенных пригодными для достижения поставленных целей мышления и семиозиса. Добросовестная интерпретация «знаков» состоит в понимании того, что осмысленно «назначил» и сделал коммуникант.

Последовательно проведенный принцип *мыслимости* когнитивно-коммуникативных объектов, их связей и отношений изначально ставит под сомнение методологический эффект антиномии, или вовсе не дает ей возникнуть. В области «мыслимого бытия» (а в коммуникации никакое иное бытие не может быть вовлечено в смыслообразование) антиномия Рассела сразу сталкивается с главным возражением – коммуникативной динамикой и неизбежной созданными объектами и связями, а также следующей из этого нестабильностью семантики безличного знака.

Так, в коммуникации летит ли стрела, или не летит – вопрос, относящийся только к сфере личного когнитивного процесса, а не к «реальности»: если стрела выделена субъектом сознания как объект внимания, и точка отчета поставлена им на самой стреле, стрела покоится. Если неподвижная (определяемая субъектно как неподвижная) точка внимания вынесена коммуникативным актором за пределы стрелы, она летит. То же – множества Рассела. О них невозможно рассуждать как об объектах, имеющих

существование, отношения и свойства, которые были бы независимы от семиотического актора.

Вопрос, который ставится в антиномии и попытки решения которого приводят к парадоксальным заключениям, зиждется на априорной констатации (это область «дано»), что множества бывают собственными (не включающими себя в качестве элемента, подобно множеству планет) и несобственными (включающими себя в качестве элемента, подобно каталогу каталогов). Такая постановка вопроса сразу ориентирует адресата на серьезное выяснение свойств самих логико-математических объектов, представителем которых избирается «множество всех множеств, не включающих себя в качестве элемента», якобы обладающее своими свойствами («самому не быть своим членом»). Это главная ловушка, позволяющая приступить к манипулированию сознанием адресата: тот соглашается на автономное существование объекта – «множества несобственных множеств», и соответственно, изъявляет готовность искать ответ на поставленный вопрос – к какой из разновидностей множеств принадлежит данное множество.

Иными словами, происходящее похоже на то, как если бы Рассел предъявил отрезок, скажем, длиной два метра и заставил адресата безальтернативно признать, что этот отрезок бесконечно делим. Возникающие вопросы к мыслимости этой процедуры (для чего следует его делить, можно ли поступить иначе, имеет ли смысл это деление, из какого «материала» данный отрезок состоит, можно ли мыслить данный отрезок неделимым и пр.) отсекаются (ср.: «множества бывают либо собственными, либо несобственными»). Автор антиномии оставляет только одну возможность – делимость отрезка. Впоследствии ему достаточно будет предъявить свидетельства того, что этот отрезок можно пройти от начала и до конца («отрезок с очевидностью не является делимым бесконечно») – и антиномия готова: бесконечное парадоксальным образом станет конечным, адресат будет в недоумении (ср.: «данное множество окажется непонятно каким – и собственным, и несобственным»).

Строгая постановка вопроса (принуждение к ответу, является ли множество своим элементом или нет) обязывает адресата принять довольно странную позицию и исследовать проблему на этом весьма шатком основании. Дело в том, что отношение принадлежности (свойство одного обладать, а другого быть его элементом) представляет собой заведомый конструкт сознания, используемый обладателем сознания для решения актуальных задач (см. закон актуального назначения множеств). Так, в случае с пятилитровой пластиковой емкостью, наполненной водой, сложно признать, что является элементом чего: данное количество жидкости определяет размер емкости и содержит ее в определенных границах или, наоборот, емкость содержит в себе данный объем воды. Поэтому попытки наблюдателя определить, что чем обладает, приводят к необходимости поймать себя за руку: точку отсчета в рассуждениях о принадлежности определяет обладатель сознания (в коммуникации этот процесс всегда наглядно представлен).

Единственной твердой почвой в решении вопроса о принадлежности объектов друг другу (как, впрочем, и о каких-то иных отношениях, свойствах, причинах и пр.) могло бы стать действие, производимое самим объектом (множеством, предметом, явлением). Но здесь со всей определенностью можно констатировать, что сами объекты (не обладающие сознанием, сами сформированные активным сознанием человека) не могут производить никаких действий. Попытки приписать им собственные поступки равносильны вопрошанию лежащего на дороге камня о том, что он тут делает: ясно, что вопрос о действии, с расчетом на внятный понимаемый ответ, можно задать только тому «обладателю сознания», который его сюда положил (если таковой обнаружится). Рассуждения об «активности бессознательных объектов» неизбежно заканчиваются признанием полного детерминизма происходящего, в котором нет места собственной инициативе объектов. Последняя имеет шанс реализоваться только субъектом сознания, обладающим свободой выбора (диапазоном свободы). Математическая абстракция множества как будто пытается вынести эти «психологические» вопросы об источниках

действия за скобки, но теория множества не может оставить вопрос о «членах множества» без обсуждения – их все равно нужно мыслить, будь они числами, пустотой («пустое множество») или звездами, каталогами и пр. (так, Рассел вынужден приводить примеры членов множеств, чтобы разделить множества на два «автономных» класса – собственные и несобственные). При выделении объектов и их связей неизбежно проявляется интенциональность сознания, которая не может умалиться и сложить с себя полномочия. Ясно, что в «объективном» (в том числе логико-математическом) пространстве принадлежат друг другу (являются частями, элементами и пр.) не сами объекты, а мыслимые конструкты, заставленные сознанием «действовать». В предметном мире, лишенном актуальности (определяемой сознанием) и интенциональности (свойства сознания), ничто ничему не может принадлежать или, наоборот, все принадлежит всему.

Вряд ли Рассел не осознавал неспособность множества «действовать», когда ставил вопрос о принадлежности множества самому себе. Практические примеры, которым даже математик оказывается не чуждым, дают, скорее, свидетельства того, что расселовское несобственное множество чаще считается собственным (не включающим себя в качестве элемента). Так, если в «каталоге каталогов» перечислено n каталогов, то вопрос о том, «сколько каталогов приведено в данном каталоге» (то есть «сколько членов в данном множестве»), скорее, предполагает ответ: в нем перечислено n каталогов. Чтобы посчитать данный «каталог каталогов» в составе множества каталогов, необходимо поставить другой вопрос – и оперировать другими «множествами», например, «сколько каталогов содержится в данной библиотеке?». При этом сама библиотека вряд ли будет считаться каталогом (впрочем, почему бы нет?).

В другой практической ситуации можно представить «каталог каталогов» выложенным перед адресатом (посетителем библиотеки) в виде книги. Коммуникант (библиотекарь) может сказать: «Вот Вам искомый каталог» (эпиграфических надписей) (здесь, скорее, речь идет о единице хранения, а не о множестве каталогов, включая данный) или «Вот здесь собраны все каталоги (эпиграфических надписей), которые Вам нужны» (здесь речь, скорее, идет о множестве, не включающем сам «каталог каталогов»). Нужно признать, что библиотекарь, выкладывая перед посетителем одну книгу, может сказать и так: «Вот Вам каталоги», мысленно включая в состав данного множества и сам лежащий перед коммуникантами «каталог каталогов», но такой пример, пожалуй, нужно считать необычным и вычурным. Такой коммуникативный поступок библиотекаря вряд ли будет безальтернативно понят в смысле указания на «несобственное множество», то есть включающее в себя сам «каталог каталогов».

Пожалуй, даже в поле логики (математики) несобственное множество, удостоенное внимания исследователя, выглядит странным. Так, если в каталоге каталогов приведено n каталогов, то, если считать множество «каталог каталогов» несобственным, количество членов такого множества окажется $n+1$. В отношении рассматриваемого Расселом «множества всех множеств...» вопрос о количестве членов такого множества особенно откровенно граничит с абсурдом: придется признать, что количество элементов данного множества – это «все множества плюс еще одно».

Кроме того, Рассел приводит пример «множества планет», иллюстрируя тем самым «обычное» собственное множество: множество планет не является планетой (в отличие от множества «каталог каталогов», которое является каталогом). Но констатация «собственности» в отношении множества планет и ему подобных множеств верна только для таких множеств, которые состоят из двух и более элементов. Если же «множество планет» состоит из одной планеты, то такое множество автоматически становится несобственным: множество планет, состоящее из одной планеты, является планетой, а значит, множество, составленное из одной планеты, если играть на поле самого Рассела, является своим собственным элементом – планетой. Так происходит с любым множеством, состоящим из одного элемента. Вряд ли кто-то из математиков, тем более представителей иных дисциплин, осмелится утверждать, что «данное

множество, имеющее в своем составе один элемент, состоит из двух элементов». Так каким же множеством является приведенное Расселом и не оговоренное по количеству членов «множество планет» – собственным или несобственным?

Итак, будем на всякий случай считать, что Рассел не мог не замечать абсурдности (по меньшей мере, сомнительности) задаваемого вопроса, основанного на введенной дихотомии «множества собственные vs несобственные». Зачем же, в таком случае, его задавать?

Затем, что у Рассела была иная цель – «подвесить» когнитивный процесс адресата с помощью понятия множества и заставить сомневаться в канторовской теории множеств, которая якобы становится именно в этом случае неработоспособной.

Первой уже упомянутой коммуникативной стратегией становится принуждение адресата к тому, чтобы дать согласие отвечать строго на поставленный вопрос (убедить его вместе с автором антиномии поучаствовать в «дойке козла», по выражению Демонакта). Обоснованность этого вопроса как будто следует из области «дано», в которой адресату предоставляются только две возможности – множества бывают либо собственные, либо несобственные (второе, впрочем, сразу вызывает подозрения). Но в отличие от аристотелевского подхода, в котором «сущности существуют», присутствуют в мире и соответствуют «знакам», составляя с ними единство и тождество, в коммуникативной парадигме речь идет о созданных объектах (множествах, отношениях, признаках), вовлекаемых в акциональную динамику семиотического воздействия. Адресат антиномии (как и любого коммуникативного акта) не имеет дело с реальностью, а пытается различить авторские когнитивные конструкты, понять его ментальные состояния и в итоге (не)согласиться на его инструкции (так бывает как в случае с «утвердительными» предложениями, так и в случае с вопросами, императивами, жалобами, просьбами и пр.). Автор антиномии, хотя и, возможно, делает вид, что изображает «объективную действительность, как она есть», «в действительности» предьявляет адресату – и поступить иначе просто не может – созданное когнитивное пространство, адаптированное к исполнению своих задач воздействия. Как подлежащее любого утвердительного (отрицательного) предложения, вопреки Аристотелю, представляет собой результат мыслительной процедуры (сформированный и назначенный объект), так и область «дано» антиномии Рассела назначена и создана. Именно поэтому сомневаться в области «дано» (что уже и было предпринято) – значит оценивать сознательную деятельность автора, а не «реальность как она есть».

Как в этом, так и в последующих коммуникативных действиях, составляющих антиномию, ее автор эксплуатирует закон *актуального назначения коммуникативных множеств*, не ссылаясь на него и, возможно, не вполне осознавая его постоянной вовлеченности в процессы мышления и семиозиса. Рассел работает в парадигме классической логики, хотя ее основания существенно корректируются коммуникативной моделью, и прежде всего этим законом.

Так, разделением на два класса множеств Рассел подготавливает почву для действия закона исключенного третьего, главного инструмента решения всех логических проблем: «множество всех несобственных множеств» либо собственное, либо не собственное, *tertium non datur*. Апория как раз и возникает в результате невозможности признать его собственным или несобственным, то есть исполнить закон исключенного третьего. В итоге получается, что рассуждение Рассела останавливается на полпути – автор демонстрирует, что ни первого, ни второго, ни тем более третьего истинного суждения о принадлежности самому себе «множества всех несобственных множеств» найти невозможно, но несмотря на это антиномические рассуждения Рассела вызывают у представителей гуманитарных и точных наук неослабевающий интерес. В чем же здесь дело? Почему применение закона исключенного третьего – этой «тяжелой артиллерии» логики и математики – демонстративно не дает результатов, но антиномия существует как нечто значимое в поле логики, математики, философии и пр.? Работает ли здесь что-то еще?

Сомнения в правомерности основополагающего для логики и математики закона *tertium non datur* (который показательно не срабатывает в антиномии Рассела, вызывая удивление адресата) обретают новые основания в условиях коммуникативной модели.

Закон исключенного третьего ($A \vee \neg A$, «А либо не А») постулируется в пределах аристотелевского «мира существования». Его основанием мыслится некое наличествующее состояние действительности, *status quo*, объективное положение дел, которое отражается или не отражается в суждении («мысли») и сообщает суждению («мысли») свойство быть истинным или ложным. Однако эта прямолинейная концепция не в состоянии объяснить не только весь вербальный материал, с которым «суждение» Аристотеля априорно отождествлено и в котором неизбежно присутствует мысль как работа сознания, но и избранный сегмент вербального материала – само суждение, ради объяснения и концептуализации которого и создавался *Органон*: как возможно намеренное ложное суждение (ведь произносящий его знает, что сказанное – ложно, но почему-то его произносит)? Как объяснить отрицательные суждения (если того, что говорится, нет, зачем об этом говорить)? Как объяснить положительные суждения (если это и так есть, зачем об этом говорить)? Как возможны суждения о будущем, вопросы, императивы, восклицания (если никакого истинного или ложного «положения дел» в них принципиально нет, но они явно возникают в результате когнитивных процедур, или «мыслей»)? Как известно, неразрешимость этих вопросов заставила Аристотеля искусственно отделить суждения-констатации от прочих «следов» когнитивной деятельности (императивов, разговоров о будущем, восклицаний и пр.), редуцировать все, что говорится в утверждениях – отрицаниях, к простым коррелятам истинного – ложного положения дел и создать логическую грамматику «только-суждений» (подробнее см.: [Вдовиченко 2008]). Вопрос «зачем» (любимая Стагиритом *causa finalis*) в отношении суждений был им просто проигнорирован. Последствия этих редукиций и недоговоренности логико-математический подход переживает («пережевывает») вплоть до Нового и Новейшего времени (что отчасти демонстрирует и Рассел в своей антиномии).

В рамках коммуникативной модели вместо «мира существования» следует, скорее, постулировать «мир осознанных воздействий», или «мир актуально назначенных коммуникантом множеств». Декартова формула *cogito ergo sum*, в которой существование недвусмысленно рассматривается как следствие мира когниции, для семиотического (когнитивного и коммуникативного) пространства перестает быть элегантною метафорой, а скорее, становится констатацией подлинного положения дел: сознание есть единственный и несомненный источник как семиотических объектов и их отношений, так и опосредованных сознанием воздействий, осуществляемых в мыслимой коммуникативной среде. Если «мир существования» выстроен на презумпции объективной реальности (о которой, заметим, вне обладателя сознания ничего нельзя ни сказать, ни помыслить), то «когнитивно-коммуникативный мир» с не меньшей очевидностью обосновался на презумпции мыслимой акциональной реальности. В этом мире закон исключенного третьего де-факто упраздняется: любой коммуникативный акт, в том числе суждение, представляет собой не коррелят реальности (это было бы бессмысленным), не отрицание реальности (это было бы также бессмысленным), а привнесение в когнитивное пространство новизны, трансформацию мыслимого *status quo*. Воздействие, непременно присутствующее в семиотическом поступке, принципиально отлично от неакциональной мысли («констатации факта»).

Иными словами, смысл любого коммуникативного акта (в том числе утверждения – отрицания) состоит в том, чтобы добиться изменений в когнитивном состоянии (процессе) адресата, то есть реализовать (создать, сделать, привести в бытие) то, что в «существующей реальности» заведомо отсутствует. Соответственно, закон исключенного третьего, который исходит из наличествующего бытия, оказывается ничтожным в семиотическом (когнитивно-коммуникативном) динамическом пространстве.

Благодаря способности «схватить» новизну и акциональность происходящего в семиотическом пространстве, коммуникативная модель вполне справляется с объяснением этиологии императивов, вопросов, намеренной лжи, суждений о будущем, восклицаний

и пр., не объясненных (игнорированных) объектной (условно «аристотелевской») моделью: все это, включая утверждения – отрицания, а также коммуникативные поступки, произведенные без вовлечения в них слов, такие как жесты, показы изображений, демонстративное поведение и пр., суть изменения (попытки изменений) мыслимого «положения дел», исходящие от индивидуального сознания и направленные на постороннее сознание (нечто *третье*, исключенное дихотомией «истинное – ложное»).

Сам Рассел своей антиномией дает хороший пример бездействия закона исключенного третьего и эффективности коммуникативной объяснительной модели: не достигая видимого успеха в выборе «либо собственное, либо несобственное (множество)», он достигает коммуникативной акциональной цели – произвести такие изменения в сознании адресата, в результате которых тот оказывается в когнитивном тупике и погружается в размышление (ср. парадокс лжеца, в котором происходит то же самое). Ни когнитивного тупика, ни размышления адресата еще не было в «реальности» до момента замысла и совершения семиотического поступка автором антиномии (замысла и поступка в «реальности», впрочем, тоже не было).

Таким образом, подготовив посредством странных разделений и двусмысленных вопросов «собственно-несобственный» когнитивный лабиринт, Рассел заручается согласием адресата на то, чтобы в нем побродить (и убедиться, что выхода из него нет). Основным инструментом для исполнения этой коммуникативной задачи, как и в прочих антиномиях и парадоксах, выступает коммуникативный – а какой же еще? – принцип (закон) назначения актуальных множеств (действие которого сам автор либо не замечает, либо намеренно скрывает). Коммуникативный ключ делает очевидными манипуляции автора, избавляя от необходимости признавать когнитивный тупик «состоянием (логико-математического) мира».

Антиномия состоит из последовательности коммуникативных действий, каждое из которых представляет собой шаг к цели, или очередной вклад в искомый автором результат. Как уже отмечалось (см. раздел II), антиномия возникает постепенно, стадийно, как бы накапливается как сумма взаимоисключающих даваемых адресату инструкций, как следует мыслить. При этом активное сознание адресата постоянно «работает» с одним, данным, коммуникативным действием, пытаясь понять (через интериоризацию), что делает в данный момент семиотический актор.

«Пусть S – множество всех множеств, не содержащих себя в качестве своего элемента».

Главный объект внимания Рассела (избранное «подлежащее» рассуждения, представленное как «существующий объект») – множество всех множеств, не являющихся собственным элементом, – изначально выступает в виде единого целостного объекта, который подвергается рассмотрению. Множество, являющееся одновременно единством, возможно только в когнитивно-коммуникативном пространстве, где создаются «подлежащие» – фокусируются объекты внимания автора и адресата: данное «множество» выступает как коммуникативная «единица» (вспомним недоуменный вопрос стоиков – недоумение которого спровоцировано невольным игнорированием закона актуального назначения множеств: почему «хор», составленный из *многих* певцов, имеет грамматический признак *единственного* числа?). Сознание адресата уже «схватило» единство («множество всех собственных множеств, не содержащих себя в качестве своего элемента»), что происходит обыденно и беспроblemно в естественных коммуникативных интеракциях.

Но здесь, на основании уже ранее оговоренного и признанного легитимным разделения множеств на собственные и несобственные (на поверку произвольного и сомнительного разделения, см. выше), Рассел привлекает внимание адресата к внутреннему устройству данного единого объекта, рассматривая его уже как «множественность элементов»:

«если S есть элемент S ,».

В этот момент адресата постигает невольный легкий шок, поскольку изначально мыслимое единство S оборачивается множественностью элементов, среди которых –

об этом всерьез спрашивается – может, оказывается, числиться само *S*. Сознание адресата с трудом находит аналогии для такого поворота (тем более что ему на ум приходит синонимическое, хотя и менее математическое, высказывание «если *S* есть часть *S*», обнаруживающее странность постановки вопроса еще более рельефно), но убеждающим для адресата становится уже существующая договоренность, заключенная между ним и автором антиномии: несобственные множества существуют, каталог каталогов – пример несобственного множества; соответственно, в данном случае может иметь место та же диспозиция.

В этот момент адресат вряд ли помнит о том, что отрезок можно делить, а можно не делить – то есть, что собственное, как и несобственное множество есть вспомогательное средство активного сознания, всего лишь инструмент, наподобие оберточной бумаги, в по-настоящему важном деле коммуникативных интеракций и что задаваться вопросом, делимым является отрезок или неделимым, бессмысленно – тем более спрашивать об этом у самого отрезка. Вопрос о делимости отрезка может быть адресован только коммуникативному актору, его интересам, устроенной им семиотической процедуре воздействия, а не объекту, не обладающему собственными свойствами и во все не существующему за пределами когнитивно-коммуникативного пространства.

Автор антиномии, со своей стороны, делает вид, что не осознает этого или и в самом деле добросовестно не понимает. Он продолжает «наседать» на адресата, с расчетом на то, что тот помнит про «каталог каталогов» и «множество планет», а про одновременную (в зависимости от обладателя сознания) делимость-неделимость отрезка не задумывается. В результате автор антиномии получает возможность представлять одно и то же разным, а разное одним.

Эта процедура вполне легитимна в поле коммуникации и когниции, где одна и та же стрела может лететь и покоиться, отрезок – делиться и не делиться, но, замеченная в поле логического рассуждения, эта манипуляция заставляет серьезно усомниться в основаниях логики: тождество объекта с легкостью – намеренно или невольно – нарушается самим логиком, единый объект становится составленным из частей. В результате возникает новый коммуникативный объект, но его новизна и инаковость игнорируется. Дальнейшие коммуникативные операции на глазах у адресата производятся то над старым, то над новым объектом по воле автора антиномии, который как будто держит в фокусе единый предмет.

Здесь, безусловно, на помощь автору антиномии приходит классический знак. Рассел невольно заручается поддержкой предметного понимания «знаков» (слов и вербальных высказываний), не осознавая их нетождественности (сомнения, вынесенные в публичное поле математики и логики, приходят позднее): единообразный знак «множество» позволяет автору антиномии поддерживать адресата в ощущении, что перед ним единый исследуемый объект, и в то же время «назначать» ему различные «значения» и аспекты значения (делать «из кошек вишни», по Патнэму), как это всегда бывает в семиотической процедуре (в чем, заметим, также проявляется действие закона назначения актуальных множеств в коммуникации).

Так, «множество» (расселовский *set*) может представлять как единство, так и совокупность единиц: например, «хор» может выступать как единый и множественный объект (вспомним удивление стоиков). Понятно, что сам по себе он ни тот, ни другой, но приобретает какие-то свойства в зависимости от коммуниканта, которого можно понимать, в отличие от автономного слова. Говоря «множество», коммуникант может иметь в виду едва ли не все что угодно – «пустое» множество, множество, состоящее из одного, многих и даже всех элементов. При этом об элементах он может и вовсе не думать, воспринимая множество как единство (вспомним канторовское определение множества). Любой «единый» объект, по закону актуального назначения множеств в коммуникации, может быть представлен коммуникантом в виде множества элементов, и наоборот, при наличии актуальности, любые объекты, даже единичные и несуществующие, могут быть разбиты или объединены коммуникантом в «единое множество», единый «сет». В этой странной для логики, но естественной для семиозиса ситуации становится

ясно, что единственной твердой опорой при интерпретации «знака» является когнитивное состояние семиотического актора, а не единообразное слово, только вводящее в заблуждение своей стабильной формой. Но позиция Рассела как семиотического актора состоит не в том, чтобы что-то прояснить, а в том, чтобы, наоборот, запутать. Стоит ему просто использовать «знак» (тем более такой, как «множество»), умалчивая (не проясняя, скрывая) свое «ментальное» состояние, такое «множество» сразу становится эффективным фактором запутывания, или «антиномизации» адресата.

Рассел, вероятно, сам упустил из виду, что фокус его активного внимания перемещается с одного объекта на другой (именуемый тем же словом) и что это перемещение критично для эффективности запутывания. Вероятно даже, что он сам не осознает неожиданности знака «множество».

Вначале «множество всех множеств» выступает как средство охвата всех объектов («собственных множеств»), – то есть в более привычном для адресата смысле. Затем фокус внимания Рассела перемещается на охваченные члены множества (они – «множества») и, поскольку они к тому же – «все множества», и поскольку рассматриваемый охватываемый объект – тоже «множество», Рассел считает возможным рассмотреть последнее среди множеств-элементов, в составе самого себя, как охваченное собой. Ясно, что этот произвол выбора точки зрения, или перемещение позиции наблюдателя, – дело самого Рассела, а не множеств и их отношений между собой, как в случае покоящейся летящей стрелы. Автору антиномии – намеренно или невольно – не удается удержаться в единой системе координат, и в такой ситуации «отрезок может быть делимым и неделимым одновременно», как и «множество» может включать и не включать себя одновременно – быть охватывающим и охватываемым, собственным и несобственным.

В этих условиях «множество» (то множественное, то единое) ведет, по мысли Рассела, свою собственную «деятельность» (не возможную, заметим, в коммуникативном пространстве, где на самом деле действует только семиотический актор, и оцениваемую по семиотическим законам; но Рассел не делает на это ссылок, стараясь представить пространство «объективно существующим», в котором автономные объекты являются акторами – сами чему-то принадлежат, чем-то являются):

«то оно принадлежит множеству всех множеств, не являющихся собственными элементами, то есть оно (как и все остальные члены этого множества. – А.В.) не есть собственный элемент»;

Вероятно, не замечая того, что в коммуникативной технологии Рассела «один и тот же отрезок выступает то делимым, то неделимым», адресат на данной стадии все же чувствует некоторое облегчение, оправляется от шока: в качестве члена множества (как «части себя»? – А.В.) множество S (то, которое разбито на элементы, один из которых почему-то стал самим множеством S, или то, которое было прежде, единое? – А.В.) в результате снижает градус беспокойства. Провокация на данной стадии снимается. Рассел как бы говорит: «Наше предположение о том, что множество всех множеств способно вытянуть себя за волосы из болота» – «разделиться на элементы и стать одним из них», «явиться всего лишь частью себя» (здесь-то у адресата и случился шок. – А.В.), оказывается неверным: оно не может вытянуть себя из болота. Оно – такое же, как все «нормальные» множества – мыслимые единства, имеющие элементы в своем составе, каждый из которых, естественно, не является самим множеством» («Ну, слава Богу», думает адресат).

Но затем совершается следующий коммуникативный шаг, снова бросающий адресата в пучину «внутренней нелогичной» природы множества:

«с другой стороны, если S не есть элемент S (если множество всех собственных множеств не есть элемент себя, не принадлежит себе. – А.В.), оно не принадлежит множеству всех множеств, не являющихся собственными элементами, а потому является собственным элементом» (то есть элементом множества S. – А.В.).

Здесь автор антиномии, наоборот, принуждает адресата, вместо интуитивно приемлемого для него положения («S не есть элемент S»), согласиться на то, которое

изначально вызывало у него неприятие и даже шок: «**S есть элемент S**». Заставить адресата снова упереться в стену помогает предварительно построенный Расселом лабиринт – заранее введенная дихотомия «множество может быть либо собственным, либо несобственным», на которую адресат некогда опрометчиво согласился, приняв без всяких условий область «дано». Иными словами, противостоять действию локально примененного здесь закона исключенного третьего представляется адресату невозможным. На фоне всего того, что уже к настоящему моменту произошло (дихотомия «собственное – несобственное», легитимация самой возможности вопроса о собственности-несобственности множества, прежде наблюдаемое странное «поведение» множества в первой части антиномии, и пр.), адресат просто разводит руками.

В самом деле, можно ли не солидаризироваться с автором антиномии, который «логично» заключает: «Если множество не может вытянуть себя за волосы из болота (**«если S не есть элемент себя»**), то тогда как же оно оказалось на твердом берегу (оно ведь в таком случае **«не принадлежит множеству всех множеств, не являющихся собственными элементами»**)? Если же оно на берегу, а не в болоте, то как же можно подумать, что оно само не смогло вытащить себя оттуда? Значит, все-таки смогло (**«S есть элемент себя»**)».

Финал этой постановки суммирует сказанное, представляя все в виде окончательного только что продемонстрированного противоречия:

«В результате возникает явное противоречие: S есть элемент S в том и только в том случае, когда S не есть элемент S»,

означающего, по мысли Рассела, что в концепции канторовского множества что-то не так.

Суммируя сказанное, нужно заметить, что автор антиномии свободно пользуется коммуникативными константами, как и любой коммуникант (см. коммуникативный ключ, раздел II, и добавление к нему, раздел VI выше): он имеет цель – изменить когнитивное состояние адресата на каждом коммуникативном шаге и в целом, в итоге серии действий; назначает актуальные объекты («множества»), их связи и свойства; формирует диспозицию условий и последовательность воздействий; наполняет пустые знаки собственным контентом, достаточным для того, чтобы, в конце концов, добиться от адресата одобрения когнитивного тупика, в котором тот якобы оказался, и пр.

Однако автор антиномии, похоже, не замечает коммуникативных, а не логических оснований происходящего, не склонен поймать себя за руку как семиотического манипулятора. Он добросовестно занимается исполнением своей задачи, пытаясь навязать адресату «мысль», что «таково положение дел». Однако если адресат не желает следовать его «пошаговой инструкции по блокировке когнитивного процесса», он вынужден обратиться к самой процедуре манипуляции (поскольку понятно, что в коммуникации работают только мыслимые сущности и реализуются опосредованные личным сознанием воздействия). При взгляде с такой стороны роль Рассела можно уподобить, скажем, поведению водителя автобуса, который, как и полагается, остановился на остановке, открыл двери для входа и выхода пассажиров, а затем, видя человека, бегущего к автобусу издалека, держа руку на кнопке закрывания дверей (и совсем не думая при этом о соблюдении расписания), – всерьез размышляет об «объективном положении дел»: «Успеет или не успеет?»

Иными словами, организованная Расселом семиотическая процедура, как и любой семиотический акт, изменяющий мыслимое «положение дел», при попытках понимания, явно выпадает из области логики и математики («мира существования» с его стремлением к концептуализации «вечных» объектов и связей) и требует применения коммуникативной модели (то есть помещения в «мир осознанного воздействия»), с ее прямо противоположной интенцией концептуализовать *изменения и новизну*, привносимые в *status quo* активным сознанием. Автор антиномии сам расставляет точки зрения и «нажимает на кнопки», свидетельствуя тем самым в пользу акционального семиозиса, против логико-математического (в классической версии) подхода.

Так, в известной иллюстрации антиномии Рассела деревенский брадобрей, давая себе (или получая от кого-то) инструкцию «брить всех мужчин в деревне, которые не бреют себя сами» [Френкель, Бар-Хиллел 1966, 17; Канке 2011, 27], пребывает не в мире существования, а в динамическом пространстве назначаемых кем-то сущностей («множеств») и производимых кем-то осознанных воздействий. Данная самому себе (или, скорее, полученная от кого-то) инструкция представляет собой факт мира когниции и семиотических взаимодействий («то, чего еще не было в платоновском и аристотелевском мире»), который на глазах инструктора (а автор антиномии тоже «инструктор» – семиотический актер) трансформируется вследствие действий инструктора и готового следовать его указаниям адресата. На каждом шаге воздействий возникает новая ситуация, с новыми назначенными множествами.

Так, множество «все мужчины деревни, которые не бреют себя сами и которых нужно побрить», не может быть «объективным» никому не принадлежащим образованием, обитающим в «мире существования». Его кто-то помыслил (и затем вовлек в коммуникативное действие, по которому о личном состоянии сознания можно судить; понимать сказанное в семиотическом поступке – понимать конкретного коммуниканта в данный момент интеракции). В зависимости от того, кто назначает элементы этого «множества», оно существует в том или ином виде и составе. Любой знак, использованный для именованья этого множества, не имеет собственного тождества, может «означать» любые деревни, любых мужчин и даже не мужчин и не деревни (вспомним теорему Патнэма). Достаточная определенность «знака» (который выделяется условно в виде целостности, см. раздел II) возникает тогда и только тогда, когда за ним стоит личное когнитивное состояние производящего семиотический поступок коммуниканта. Это касается любых слов любых языков, и вообще знаков, в том числе «оператора» [все], который означает ровно столько, сколько помыслил коммуникант («все представители *ad hoc* созданного им множества» – классов чисел, предметов в комнате, мыслей в голове, жителей деревни и пр.). Соответственно, на каждом шаге и в зависимости от момента коммуникативной процедуры (серии коммуникативных действий в антиномии) необходимо понимать *кого-то*, то есть автора антиномии, условного Рассела.

Когда он говорит, что брадобрею достается инструкция «брить всех жителей деревни, которые не бреются сами», процедура инструктирования как будто не имеет для автора антиномии значения. Этим он сразу обнаруживает, что его цель состоит в том, чтобы запутать доверчивого адресата, поскольку именно на этой стадии брадобрею со стороны инструктора должно быть доподлинно прояснено содержание «множества» (если, конечно, тот в самом деле хочет добиться от брадобрея правильного понимания его «мысли», содержащейся в инструкции). Процедура назначения элементов множества «все жители деревни...» в иллюстрации антиномии намеренно умалчивается: остается неясным, включается ли сам брадобрей автором инструкции во множество всех жителей деревни, которых нужно побрить.

Но автор антиномии в отличие от инструктора брадобрея доподлинно знает, что сам брадобрей включен во множество «все жители деревни, не бреющие себя сами, которых нужно побрить». Он не говорит об этом прямо, но по некоторым признакам об этом можно заключить.

Во-первых, если автор антиномии имеет в виду, что множество «все небритые жители деревни, которых нужно побрить» не включает в себя самого брадобрея, то антиномия не строится. Брадобрей безмятежно побреет всех, за исключением себя, и никаких нарушений или неисполнений инструкции не будет выявлено (а они выявляются по мере изложения антиномии). Это означает, что автор антиномии заранее знает, что именно это обстоятельство (включенность во «множество») гарантирует возможность появления создаваемой им антиномии.

Во-вторых, в момент, когда автор антиномии застаёт брадобрея получающим инструкцию, тот не бреет себя сам (если бы он делал это, то снова антиномия не могла бы быть построенной). По этому признаку («не бреет сам себя и является жителем деревни») автор антиномии мыслит его входящим во множество тех, кого нужно

побрить. Автора антиномии явно интересует момент, когда он начнет это делать, и поставит себя самого и адресатов антиномии в безвыходное положение: если он бреет себя, это не по инструкции; если он не бреет себя, это тоже не по инструкции.

Таким образом, автор антиномии знает, что инструктируемый кем-то брадобреей является элементом множества «все жители деревни, которые не бреются сами и которых нужно побрить» (заметим, что в этот момент автор антиномии рассчитывает на тождество вербальных знаков, как будто они сами означили принадлежность брадобрея и поставили его в безвыходное положение: все – значит все, живет в деревне и не бреется – значит нужно брить).

Если же автор антиномии имеет в виду такое членство брадобрея, то данную ему инструкцию он сразу должен признать *неисполнимой*: как только брадобреей, подчиняясь требованиям, начинает себя брить, он, удовлетворяя условиям множества, выдвинутому инструктором ранее, сразу перестает им удовлетворять и должен, согласно инструкции, не брить себя. Такую инструкцию он просто не может исполнить, как если бы, согласно инструкции, инструктируемый должен был бы, скажем, пешком перейти реку, двигаясь исключительно по поверхности воды: понятно, что в определенный момент в результате его действий по исполнению инструкции ситуация критически изменится (она не статическая), и диспозиция объектов потребует учета новых обстоятельств (создания новых «множеств» в сознании и новых отношений и связей, явно не учтенных инструкцией).

Возникает вопрос: кто виноват в возникновении абсурдной инструкции? Множества с их строгими границами? Они созданы. Брадобреей? Его просто «подставили» (кроме всего прочего, «отключили» от собственного интенционального сознания, как Эпименида в парадоксе лжеца, см. раздел IV). Положение дел в мире? Оно кем-то мыслимо. Слова и выражения? Сами они пусты и бессодержательны. Ясно, что во всем этом «виноват» сам автор антиномии, который ее сочинил и, как водитель автобуса, держал *все* в своих руках, наблюдая за бегущим к нему доверчивым адресатом.

В таком случае возникает вопрос к автору антиномии, сочинившему эту историю: зачем давать такие инструкции? Ведь добиться эффекта неисполнимости можно и другими, менее экзотичными способами, например попросить брадобрея (или кого угодно) выпить море, быть одновременно старше и моложе пятидесяти лет, стать рыбой на блюде и пр.

По-видимому, автор антиномии слишком увлекся объективностью логических (математических) объектов, способных якобы руководить сознанием и действовать автономно от обладателя сознания. Он решил наглядно показать, что размышление о данном виде множества (данной ситуации) заходит на поле логики в глухой тупик.

Иными словами, скрытый автор инструкции, данной брадобрею, а также не скрывающийся автор антиномии-иллюстрации, чтобы быть понятным и убедительным, должен был с самого начала ответить на вопрос, какое «множество всех жителей деревни, которых нужно побрить», имеется в виду в инструкции брадобрею, в какой момент и от лица кого будет определяться это множество, кто такие *все* и с чьей точки зрения они «охватываются», и пр. Элементы множества должны быть оговорены, поскольку «множество всех жителей деревни» само не означает ничего определенного (так, любой житель деревни, говоря «Все жители деревни», может включать или не включать себя в это «множество», подтверждая закон актуального назначения множеств в коммуникации, см. выше). Брадобрей тоже должен был доподлинно знать, что ему делать. Но, выслушав такую инструкцию, он, скорее, понял бы ее в том смысле, что сам он не включен автором инструкции в число множества «жители деревни...». Если же предполагается, что он в него включен, автору инструкции следовало бы это специально прояснить (рискуя, правда, услышать в ответ заслуженное «Что ты несешь?! Как я это сделаю?»).

Автор антиномии, снимая с себя ответственность за назначение множеств (за прояснение их элементов), предоставляет им действовать самостоятельно, как бы демонстрируя, что некоторые множества ведут к абсурду. Но именно чья-то ответственность

(личное когнитивное состояние, источник любого смысла) и создает множества, которые вне коммуниканта, исполняющего задачи воздействия, невозможно корректно помыслить. В своем настаивании на необходимости исполнить неисполнимую инструкцию автор антиномии обнаруживает свой главный интерес – показать странность поведения множеств, а не построить динамическую модель мыслимой реальности, в которой действовать может только назначающий множества обладатель сознания, а не сами множества.

Вероятно, антиномию Рассела, рассмотренную и оцененную в коммуникативной модели, следует рассматривать как свидетельство в пользу интуиционистской логики и математики. Все, что нужно для этого, автор антиномии предъявил: он выступил коммуникантом, со всеми вытекающими отсюда свойствами коммуникации – стадийностью, мыслимостью, акциональностью, назначенностью актуальных множеств, нетождественностью знака и пр., сам же нарушил законы классической логики (как минимум закон исключенного третьего), добился эффекта своего воздействия (изменений в сознании адресатов) и даже вызвал со стороны классической «материнской» доктрины запреты так поступать.

Так, сам же Рассел, как известно, «преодолел» собственную антиномию путем «попрания когнитивной свободы», то есть с помощью наложения на сознание операциональных ограничений в духе «мыслить так нельзя», «вводить такие множества недопустимо» (так называемая теория типов) [Канке 2011, 30], хотя прежде, в самой антиномии, сам же их вводил и допускал, добиваясь успешного исполнения коммуникативных задач. Его подозрительность в отношении канторовской теории множеств, нашедшая выражение в создании антиномии, скорее, свидетельствует о предчувствии опасности, грозящей логико-математическому (а также языковому) способу представления реальности.

Главная угроза, подозреваемая Расселом, – признание коммуникативной назначенности актуальных множеств (см. выше) и сопутствующего этому признания невозможности автономного «поведения» (свойств) множеств – исходит от самой мыслимой реальности и уже содержится в канторовской формулировке (хотя и без проекции на вербальный материал, коммуникацию и без признания логической и математической процедуры акциональным семиотическим поступком): *множество* есть *мыслимое единство* объектов (чем не антиномия?). Вероятно, Рассела не устраивает открывающаяся здесь перспектива «сколемизации всего» (термин Патнэма, созданный на основе более поздней, чем антиномия Рассела, теоремы Левенгейма – Сколема, которая фактически утверждает, что интуитивное понятие множества, составляющее основание понятий о математических объектах, не определяется формальными системами аксиом [Целищев 2000]). Автор антиномии желает заранее дезавуировать эту возможность, формализовать логико-математическую процедуру, ограничить поступающую здесь свободу сознания. Он оснащен, как сам считает, инструментами логики и математики, но сам же демонстрирует, что пребывает в пространстве мыслимой коммуникации (семиозиса), со свойственными ему иными инструментами. По-видимому, опасность «сколемизации» (готовности всего быть всем, обесмысливания) преодолевается не логическими способами (не признанием автономных свойств «множеств» – сетов, знаков, объектов и прочих элементов «мира существования»), а *принципом коммуникативной (семиотической) определенности* – обращением к обладателю сознания, подлинному источнику динамического смыслообразования, пребывающему в «мире осознанных (воздействий)», назначающему актуальные множества в процедурах мышления и последующего акционального семиозиса.

Как показал сам Рассел и авторы других парадоксов (антиномий, апорий), для достижения целей семиотического воздействия выйти за пределы логики вполне возможно, демонстрируя тем самым эфемерность ее строгих границ. Гораздо труднее (а скорее, вовсе невозможно) нарушить коммуникативные константы (см. коммуникативный ключ, раздел II и далее), в том числе отказаться от актуального назначения объектов (множеств), признать неакциональность семиотических поступков, изъять

коммуниканта из коммуникативной процедуры, признать автономное значение «знака» и «языка» и пр.

Как видно, авторы парадоксов эксплуатируют коммуникативное («не-аристотелевское») «свойство мыслимого вещества» (способность одного и того же быть едва ли не чем угодно в интересах и в пространстве личного воздействия), но пытаются производить свои манипулятивные пассы как будто в аристотелевском (логическом) поле. Парадоксы обнаруживают процесс поглощения логики коммуникацией. Возможность отрезка быть делимым и неделимым (нарушение краеугольного для логики *tertium non datur*, или «тень кога Шредингера») оказывается не риторическим упражнением, а характеристикой динамического состояния когнитивно-коммуникативного мира воздействий (последние в логическом мире статики отсутствуют). Порождать смысл и быть чем-то определенным в коммуникативной процедуре может только привнесенное изменение мыслимого состояния – то, чего еще не было в «мире существования».

Коммуникативная модель, таким образом, готова «спасти» логику и математику иным способом – не путем запретов мыслить, не констатациями истинного положения дел или автономных значений знаков и множеств, не попытками логических решений парадоксов, а признанием логических и математических суждений субъектными коммуникативными процедурами, которые осознанно обращены к миру создаваемых сознанием множеств и свойств и которые обретают тождество только в активном интенциональном сознании.

Ссылки – References in Russian

Вдовиченко 2008 – *Вдовиченко А.В.* Расставание с «языком». Критическая ретроспектива лингвистического знания. М.: ПСТГУ, 2008.

Канке 2011 – *Канке В.А.* Философия математики, физики, химии, биологии. М.: КНОРУС, 2011.
Френкель, Бар-Хиллел 1966 – *Френкель А.А., Бар-Хиллел И.* Основания теории множеств / Пер. с англ. Ю.А. Гастева, под ред. А.С. Есенина-Вольпина, М.: Мир, 1966.

Целищев 2000 – *Целищев В.В.* Возможна ли иррациональная математика. http://www.philosophy.nsc.ru/journals/philscience/7_00/tselichev.htm

References

Fraenkel, Abraham (1953) *Abstract set theory. Studies in logic and the foundations of mathematics*, North-Holland Publishing Company, Amsterdam.

Fraenkel, Abraham, Bar-Hillel, Yehoshua (1958) *Foundations of Set Theory*, North-Holland Publishing Company, Amsterdam (Russian Translation 1966).

Kanke, Viktor A. (2011) *Philosophy of Mathematics, Physics, Chemistry, Biology*, KNORUS, Moscow (in Russian).

Tselishhev, Vitalii V. (2000) *Is an irrational mathematics possible?* http://www.philosophy.nsc.ru/journals/philscience/7_00/tselichev.htm (in Russian)

Vdovichenko, Andrey V. (2008) *Parting with “language”. Critical retrospective of linguistic knowledge*, PSTGU, Moscow (in Russian).

Сведения об авторе

ВДОВИЧЕНКО Андрей Викторович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора теоретической лингвистики Института языкознания РАН, профессор кафедры славистики и теории языка филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Author's Information

VDOVICHENKO Andrey V. – DSc in Philology, lead researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; professor, the department of Slavistics and the theory of language, Orthodox St. Tikhon University for Humanities.